ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

БАБОЧКА, ВЫКОВАННАЯ ИЗ СТАЛИ

Екатерина Николаевна Островская

Бабочка, выкованная из стали

Серия «Робин Гуды нашего города», книга 4

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70360771
Бабочка, выкованная из стали : [роман] / Екатерина Островская: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-200020-1

Аннотация

По просьбе девушки, которая ему очень нравится, лучший сыщик Санкт-Петербурга подполковник Гончаров разбирается в странной истории с задержанием ее отчима. Уважаемого человека, доктора наук, бывшего ректора престижного вуза почти год держат в камере. Основанием для задержания стали показания ректора провинциального филиала, пойманной на взятках и растрате. И заявление этой дамы, и сама ее личность вызывают у опытного сыщика сомнения, которые он пытается развеять или подтвердить. А в результате сам оказывается в большой беде…

Татьяна Устинова рекомендует: «Островская играет жизнями, тасует героев, заставляет их совершать неожиданные и странные поступки, а читателя – с замиранием сердца следить за ними и гадать: сработает, не сработает, выберутся, не выберутся!.. Сюжет то и дело поворачивает в какую-то другую сторону и на полной скорости несется дальше. Это почти невозможно, но ей удается удержаться на этих виражах!.. И очень хочется, чтобы у героев все получилось!.. И финал! Он всегда феерический, во всех отношениях».

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 25
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Екатерина Островская
Бабочка, выкованная из стали

© Островская Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024
Редактор серии А. Антонова
Оформление серии С. Курбатова

* * *

Глава первая

Гончаров открыл глаза, даже постарался сделать это осторожно, чтобы не разбудить жену, медленно перевернулся на бок, начал подниматься в постели, спустил ноги на пол. На часы можно не смотреть – сейчас ровно семь: он уже много лет просыпался в одно и то же время, во сколько бы ни ложился накануне. Все идет согласно установленной за годы семейной жизни программе: сейчас он выведет погулять Баксика – это полчаса, потом еще столько же – мытье, бритье, приготовление завтрака – и уже восемь, потом…

Игорь хотел подозвать собаку, но вдруг вспомнил, что Баксика в доме нет, как и жены… Вот уже месяц, как он – свободный человек. Свободный… Гончаров мотнул головой, вытряхивая из себя остатки сна, похлопал ладонями по щекам и наконец проснулся окончательно…

А ведь сон был замечательный. Будто он – еще совсем юный выпускник морской академии и служит на контейнеровозе «Механик Гаврилов», который направляется, как всегда, в Сингапур. Игорь, восторженный, ждущий перемен, стоит на ходовом мостике, на крыше рулевой рубки, и восхищается сверкающим под экваториальным солнцем океаном.

– Красота, – произносит старпом Лещенко и как будто только сейчас замечает рядом с собой молодого штурмана. – А ты, мил друг, слетай в радиорубку и проверь, послал ли

радист шифровку на предмет нашей встречи с американским фрегатом[1]. – Старпом изучающе посмотрел на Гончарова и спросил негромко: – Ты что, нажрался вчера на берегу: уж больно вид у тебя странный? Название нашего судна помнишь? «Секрет»[2].

Игорь посмотрел на океан, поднял голову и, увидев над собой набитые ветром алые паруса, удивился подобному обстоятельству… Осторожно открыл глаза и тогда обнаружил себя в своей пустой квартирке, за окнами которой накрапывал дождь.

У входа в здание РУВД курил дежурный по управлению майор Мелешкин.

– Сейчас меняюсь, – доложил он, устало вздохнул и вспомнил: – Вчера включил телевизор, а там тебя Паша Ипатьев[3] нахваливает, мол, лучший специалист в городе по раскрытию особо опасных. Во как нам повезло работать с тобой! Тебя, кстати, Жаворонков ждет. Сказал мне, как увидишь лучшего специалиста, скажи, чтобы сразу ко мне поднимался.

В приемной начальника ГУВД стоял запах заваренного

---

[1] На торговом флоте положено сообщать о встрече в море с военными кораблями вероятного противника.

[2] Название корабля капитана Грея. Александр Грин «Алые паруса».

[3] Екатерина Островская. «Окрой глаза, Фемида» и «Все, что вы хотели знать о смерти».

кофе.

Из кабинета Жаворонкова выскользнула с пустым подносом секретарша. Увидела Гончарова и улыбнулась ему:

– Вам приготовить?

– Да я вроде как дома попил.

– Что вы там пили? Растворимый? А здесь из кофемашины, которую мы Алексею Ивановичу на пятидесятилетие дарили. – Она улыбнулась еще раз: – А вас вчера по телевизору показывали. Смотрели? Жена, небось, радовалась, что про вас Ипатьев такое говорит… Это ж такая слава!

– Верочка, – не выдержал Игорь, – вы ведь знаете, что жена от меня сбежала, прихватив свою собачку, наши скудные накопления и мою веру в людей…

Жаворонков пил кофе и рассматривал что-то на экране компьютера.

– Новости смотрю в интернете, – сообщил он, увидев Гончарова, и сменил картинку. – И самая главная радостная новость для всех нас – прямо событие дня: американская актриса Двинет Поллитроу снялась топлес. Ей лет-то уже сколько, а все туда же. Но у нее все равно ничего не видно. Вот у меня соседка по площадке такого же возраста, а когда в лифт заходит, места для других людей уже не остается… Да-а! Ты вчера телевизор смотрел?

– Нет. Я на выезде был.

– Ну да, – вспомнил начальник РУВД, – но там вроде был не криминальный труп. В смысле ненасильственная смерть

– передозировка. Мне так доложили.

– Мне то же самое сказали. Но на месте выяснилось, что жертва употребляла наркотики, а ее сожитель – нет… У сожителя незаконченное высшее… Учился на химика, но стал мне врать, что на философском. Но не вспомнил фамилию декана философского, не смог назвать кафедру, на которой учился… После вторичного осмотра трупа девушки я вызвал спецов из наркоконтроля – вместе и дожали этого урода. Он, как выяснилось, наладил производство какой-то дряни на основе соли гамма-оксимасляной кислоты.

– Бутират, – подтвердил Жаворонков, – самая опасная дрянь: разница между сравнительно безопасной и смертельной дозой чрезвычайна мала.

– А свою подружку он решил использовать как подопытного кролика. Короче, пока я его ломал, спецы из наркоконтроля с собакой проехались по местам, где бывший студент чаще всего находился… По билингу определили точки, откуда он чаще всего выходил на связь. Нашли подвальчик, который этот гад арендовал, – там прежде сапожная мастерская была. Наш умелец оборудовал вытяжку, но все равно там вчера такой дух стоял, что… Короче, я нанюхался так, что мне всю ночь море снилось.

– Раскрытие убийства на кого записали?

– На них, разумеется, ведь это их тема.

– Добрый ты, – усмехнулся полковник, – сам себя премии лишил.

– Да когда мне эту премию давали, – отмахнулся Гончаров.

Вошла секретарша с подносом с одинокой чашкой кофе. Она поставила чашку на стол и посмотрела на начальника убойного отдела:

– Может, еще чего желаете?

– Столько заманчивых предложений с самого утра, – вздохнул Игорь, – столько, что я даже не знаю, разрешит ли начальство.

– Разрешит, – уверенно произнес начальник РУВД, – тем более что у тебя есть хороший повод. Так что по полтинничку мы с тобой хряпнем за этот самый отличный повод. Я даже не про то, что наша телезвезда вчера сказала… то есть сказал, что ты лучший по раскрытию особо опасных преступлений. Просто вчера мне даже домой позвонили из кадров и сообщили, что приказ, который, образно выражаясь, положили под сукно, наконец-то оттуда достали.

– Какой приказ? – удивился Игорь. – Мне и в самом деле премию выписали?

– Даже лучше. Я же говорил, что тебя назначили моим заместителем по уголовному розыску, но потом это вроде как похерили… А теперь вот…

Начальник РУВД посмотрел на дверь, удостоверяясь, что секретарша вышла, наклонился и достал из стола начатую бутылку коньяка и два бокальчика. Наполнил их и объяснил, почему он предложил выпить с утра:

– А подполковника тебе присвоили – помнишь? Так что прикручивай звездочку и завтра в парадной форме приходи на службу. С утра в Ленинской комнате устроим… Тьфу, я все по-старому. Завтра утром в комнате отдыха личного состава устроим большой сбор, и я представлю коллективу своего нового зама.

– А чего меня представлять? Я уже семнадцать лет здесь.

Они выпили коньяк. Начальник залпом, ничем не закусывая. Игорь едва пригубил горячий кофе.

Полковник Жаворонков посмотрел на дверь, проверяя насколько плотно она закрыта, но все равно перешел на шепот:

– Жена так и не проявилась?

Гончаров пожал плечами.

– Ты хоть пытался ее найти? – продолжал шептать начальник РУВД. – Мой совет: подумай лучше, если у вас… то есть у тебя с ней все, то, может, другую найдешь? Хотя чего искать и далеко ходить? Вот у меня соседка. Ну, я уже говорил сегодня, – Жаворонков оглянулся на дверь и руками изобразил перед своей грудью две полуокружности, – … если не больше. Ее Лидия зовут, как вино. Вино такое есть, «Лидия»… хотя это раньше такое вино было. Сейчас что-то давно его не видно. Так вот ей сорок где-то, но выглядит так, что всех этих американских Поллитроу за пояс заткнет. Тем более она тобой уже интересовалась. Я сегодня в лифт захожу утром… Слава богу, что я один, без жены был. Только вошел, хотел уже кнопку нажать, чтобы вниз ехать, и тут

она заходит… Да еще в декольте. Мы поехали вниз, я не дышу, стало быть, а она спрашивает: «Вчера журналист Ипатьев в своей программе показал очень симпатичного опера. Вы, случайно, его не знаете?» Ты понял, Игорь, какие люди тобой интересуются! Я сам хожу, смотрю на нее и облизываюсь. Но мне нельзя, потому что я женат. Я ей откровенно заявляю, что я не только хорошо знаю майора… прости, подполковника Гончарова, но и лично дружу с ним: вместе вот уже почти два десятилетия бок о бок с преступностью боремся. Она сразу как задышала, как прижала меня к стенке, что аж лифт затрясся… Но тут мы приехали. Но я успел пообещать познакомить ее с тобой. Так что ты не теряйся. Она одна живет, и у нее трехкомнатная машина… то есть квартира. А машина у нее «Пассат». Лидия работает в медицине на административной должности…

– Алексей Иванович, – так же шепотом произнес Гончаров, – а вы сколько сегодня коньяка уже выпили?

Начальник РУВД посмотрел на бутылку коньяка, в которой содержимого уже было меньше половины.

– Так вот это и выпил, – признался он, – но ты пойми, когда тебя утром вот так размазывают по стеночке лифта – без коньячка просто никак. Шучу, конечно. Хотя на самом деле граммов сто пятьдесят мне сегодня все-таки необходимы были. Мы с женой вчера к тестю на день рождения ходили. Семьдесят четыре года мужику исполнилось, а выпить он не дурак, и ведь как держит алкоголь – с ног его не свалить.

Я за двадцать семь лет знакомства пьяным тестя не видел никогда. Он офицером-артиллеристом был. Так такие вещи рассказывал! Говорил, что у них в пушке в тормозе отката и наката есть такая жидкость – «Стеол М». Там спирта всего двадцать процентов, остальное – глицерин и всякая муть. Но они как-то умудрялись выпаривать все лишнее и пить этот «Стеол». И это в Афганистане было, за который у него два ордена. А мы…

Жаворонков посмотрел на бутылку, вздохнул и убрал ее в стол. Взглянул на Гончарова:

– Ипатьев вчера объявил с экрана, что не понимает, как это у Гончарова так получается, чтобы самые хитро задуманные преступления распутывать. Если честно, то и я не понимаю. А сам-то что ответишь на такое вот всеобщее недоумение?

Игорь пожал плечами:

– И сам не знаю. Просто присматриваюсь к деталям. Вчера, когда на труп этой девушки приехал, увидел фотографию ее сожителя на стене. Там он с электрогитарой. Спрашиваю: «Где музыке учился? В консерватории?» Отвечает, что в универе… Я тогда начал задавать наводящие вопросы. Один, второй, третий. Потом вышел на лестничную площадку, в телефончик свой залез, нашел его страничку в соцсетях, а там сказано, что он учился на химфаке. После чего уже почти не сомневался… Вот так все просто.

– А убийство Звягинцева[4] как раскрыл? Там ведь огромная премия обещана от ГУВД – за любое содействие следствию. И от семьи еще обещали – там, наверное, совсем невообразимая сумма, ведь он, как уверяет пресса, был миллиардером.

– Если премию дадут, в чем я глубоко сомневаюсь, то отдам в фонд помощи вдовам и сиротам погибших полицейских.

– Может, это и правильно, – согласился начальник РУВД, – я бы не решился на такое. Но я – человек женатый, супруга на новую шубу намекает в качестве подарка к серебряному юбилею свадьбы, а ты свободный мужик теперь, и шубы в твоем хозяйстве не нужны, так что можешь делать все что угодно. Но только не в ущерб здоровью и службе.

Гончаров даже не собирался сообщать начальству, что с ним уже связывались по поводу вознаграждения за раскрытие убийства Николая Петровича Звягинцева. Сначала позвонил некий человек, который представился адвокатом семьи. Но Игорь отказался с ним говорить, и тут же раздался новый звонок.

– Зря вы отказываетесь от разговора, – прозвучал в трубке мужской голос. – Я объявил награду тому, кто найдет убийцу моего тестя. Пять миллионов рублей ваши. И я готов заплатить еще один миллион, но не рублей, если имя моей жены

[4] Екатерина Островская. «Все, что вы хотели знать о смерти».

не всплывет ни во время следствия, ни вообще никогда.

– Я не имею никакого отношения к следствию, – ответил Гончаров, – я только взял киллера и заказчика. А дальше уж со следственным комитетом разбирайтесь…

– А дальше уж моя забота, – сказал мужчина. – Я просто хочу, чтобы вы в другой раз ничего не говорили ни своему приятелю журналисту, ни вообще никому…

– Я подумаю, – пообещал Игорь.

– Думайте быстрее, – посоветовал мужчина, – а то я передумаю.

Звонивший не представился, но и так было понятно, кто это. Думать и в самом деле надо было побыстрее, но на всякий случай Игорь позвонил Ипатьеву и сообщил о звонке.

– Бери деньги, – посоветовал тот, – сам понимаешь, что Артем и без тебя все решит. Он теперь – член общественного совета при ГУВД. Раньше заместителем председателя совета был Николай Петрович, а после его убийства место перешло к Артему. Он же сам сказал, что тебе предлагает не гонорар за раскрытие преступления, а готов заплатить за молчание. А про меня он в любом случае знает, что трепать языком не буду. Бери деньги – не будь дураком.

И вот теперь Гончаров размышлял об этом и разных других вещах, о которых думают многие люди, имеющие претензии к собственной судьбе. Всю жизнь ему не хватало денег. Не хватало даже тогда, когда деньги появились у жены. У нее был свой парикмахерский салон, свои подруги, свои кли-

ентки и свои деньги. А у него были только друзья по службе, легкие выпивоны по пятницам и работа, не приносящая никаких особых доходов, кроме должностного оклада и мизерных премий. А еще были долги – небольшие, конечно, но все-таки. А теперь он может стать богатым и даже очень богатым человеком. Миллион рублей от ГУВД – это очень хорошая прибавка к жалованью. Потом еще пять миллионов от Звягинцевых, потом Артем Викторович от себя лично пообещал миллиончик, вероятно, долларов. Или евро? Денег будет столько, что можно не работать. Можно стать рантье, то есть жить на проценты. Можно стать еще кем-нибудь, но не станет. Потому что пока он будет жировать на курортах, его пацаны, которых он учил оперативно-разыскной работе, будут вкалывать без него и его советов. И все-таки если даже он согласится принять от зятя Звягинцева такие огромные капиталы, как посоветовал Паша Ипатьев, то не для себя лично, а для пользы дела – отдать деньги в фонд, который он организовал с ребятами из своего убойного отдела. Туда он отправил все обнаруженные им деньги, которые прятала банда Азамата Цагараева. Тогда он смотрел на пачки купюр спокойно, потому что изначально знал, что это не его деньги. А сейчас?

Сейчас у него новая должность и новый кабинет рядом с Жаворонковым, теперь у них общая приемная, и секретарша Вера станет готовить кофе на двоих. А дома всегда будет пусто, потому что не найдется времени на какие-то знакомства,

встречи, букеты, конфеты и прочие сопутствующие романтическим отношениям товары. Да и знакомиться ему негде: разве что на опознании, на очных ставках, со свидетелями или с понятыми. Но обычно девушки или молодые женщины не соглашаются быть понятыми при обысках или досмотрах: тем более что надо присутствовать на месте преступления, где может находиться труп. Теперь отпадает и возможность знакомиться с девушками по утрам и вечерам, когда он гулял с Баксиком. Владельцы собак обычно выходили выгуливать питомцев в одно и то же время; все знали друг друга, здоровались и интересовались здоровьем своих хвостатых подопечных. Но все равно кучковались по интересам: мужчины ходили и обсуждали футбол, политику и кто сколько выпил накануне. Месяца два назад Гончаров познакомился с симпатичной и очень умной девушкой Леной, с которой было интересно говорить на разные темы, и они стали прогуливаться вместе. Тогда он не думал о том, чтобы познакомиться с ней поближе, потому что был женат. Но теперь… Теперь ее надо будет ловить, когда она поведет на прогулку своего огромного лохматого пса…

Гончаров сидел в своем новом кабинете, который когда-то принадлежал полковнику Колотовкину. У Колотовкина была очень хорошая выслуга, он давно уже мог уйти на пенсию и сидеть дома. Но дома у него имелась сварливая жена, к тому же оклад был куда больше пенсии. А еще этажом выше сидел Гончаров, который делал за Колотовкина всю работу.

На столе Колотовкина лежало толстое потертое и поцарапанное оргстекло, к которому прилипло снизу самое главное для зама по уголовному розыску: должностная инструкция, отпечатанная на одном листке: «Организация и осуществление розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, лиц, пропавших без вести, идентификация неопознанных трупов. Координация деятельности борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ…» На другом листке был отпечатан крупным шрифтом текст присяги полицейского… Еще под стеклом хранились старые советские банкноты: рублевая, трехрублевая, двадцатипятирублевая. И фотография самого Колотовкина на фоне санатория имени Кирова в Крыму. На ней полковник позировал в длинных черных шортах и смотрел в объектив так внимательно, словно пытался угадать, в каких преступлениях замешан снимающий его фотограф. Еще в пыльных ящиках стола лежали карандаши, шариковые ручки, распечатанный пакетик с окаменевшими семечками подсолнечника, нагрудный знак «Отличник советской милиции МВД СССР». И половинка разорванной фотографии блондинки. Та была запечатлена когда-то в полный рост, но теперь осталась лишь ее верхняя часть, а нижняя отсутствовала. Судя по всему, бывший хозяин кабинета покидал свое служебное помещение в спешке, унося с собой самое дорогое, как будто ждал ареста.

Почти год Жаворонкову не давали нового заместителя,

видимо, в кадрах понимали, что он ни к чему, потому что со всем справляется Гончаров, которому не нужны ни вторая звезда на погоны, ни лишняя тридцатка к окладу. Алексей Иванович поначалу напоминал, что без заместителя ему никак, но потом перестал даже намекать на это упущение.

Открылась дверь. Без стука вошел начальник РУВД.

– Ну, как осваиваешься? – поинтересовался полковник и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Короче, я тут с женой посовещался, и мы приняли совместное решение, что тебя надо познакомить с Лидией.

– С какой Лидией? – не понял Гончаров.

– С нашей соседкой… Я же тебе докладывал. – Жаворонков снова изобразил две полуокружности перед своей грудью. – Как выяснилось, Лидия является совладельцем… то есть совладелицей сети медицинских клиник «Парацельс». Слышал про такое?

– Слышал, – кивнул Игорь, – это ведь Парацельс сказал: «Подобное подобным», то есть если выпил накануне водки, то наутро надо принять тоже водки, а если пива, то…

– Да я не о том. Мы с женой решили, ты познакомишься с Лидией и тебе будет не так одиноко.

– Так мне не одиноко, – попытался возразить Игорь, – у меня работа есть.

– Да я не о том. Ты же молодой мужик – тебе сорок лет всего.

– Сорок два, – возразил Гончаров.

– Тем более, – неизвестно чему обрадовался начальник ГУВД. – Мужики с годами только крепче становятся, как хороший коньяк. Короче, мы с женой все уже распланировали: в субботу ты подъезжаешь к нашему дому, и мы все, включая Лидию, едем к нам на дачу на шашлыки. А там уж, как говорится, дело техники. Ты же, насколько я помню, борьбой занимался? Так что, если будет сопротивляться, быстренько переводишь ее в партер…

– И провожу удушающий прием, – подхватил Игорь и тут же покачал головой: – Только нет у меня автомобиля. Бывшая жена на нем уехала.

– А ты в угон подал?

– Нет уж – угнала так угнала. А то вернут машину вместе с женой в багажнике. А мне этого не надо.

– Действительно, в багажнике не вариант, – вздохнул начальник РУВД, – хотя Марина у тебя очень даже симпатичная. У тебя ведь с ней какая-то романтическая история связана – ты же с ней долго до свадьбы встречался?

– Не очень, но мог разговаривать с ней часами – я ее допрашивал: она была подследственной и подозревалась в причастности к банде Цагараева.

– Вспомнил, – обрадовался Жаворонков и тут же снова стал грустным, – банда вымогателей и похитителей. Такие изобретательные были. Сумку с выкупом бросили с моста в воду, а у них там аквалангист сидел. А я еще тогда сочувствовал ей: думал, зря Игореша мучает эту студентку. А ты

взял да женился на ней. Но все равно – нам таких не надо даже в придачу к иномаркам. Но ничего – поедете на машине Лидии: у нее белый «Пассат». На пляж сходим, позагораем. У нее, кстати, такое тут… – Полковник поднял руки, но тут же опустил. – Я уже описывал ее, кажется…

И тут же Жаворонков всплеснул руками.

– Так я ж чего к тебе зашел. Тебе же премия за раскрытие дела об убийстве Звягинцева. Семьсот пятьдесят тысяч – как говорится, получите и распишитесь.

– Как? – удивился Гончаров. – Обещали миллион. А как теперь жить, ведь я уже планы на жизнь строил? Курорты и все такое прочее.

– Вообще-то обещали полтора, – уточнил полковник. – Но это если какой-то посторонний окажет неоценимую помощь в расследовании. А ты вроде как свой, ты же на окладе. К тому же тебя подполковником сделали и на новую должность поставили. Уже большое дело. Хотя я понимаю, что нехорошо получается – так к своим относиться, тем более что ты безлошадный. А в наше время на семьсот пятьдесят тысяч ничего путного не купишь. А ты сейчас вообще на чем ездишь?

– На служебной. Нам же на наш отдел городское управление «Форд Фокус» выделило. Вот я на нем и мотаюсь.

– Да-а, – вздохнул начальник РУВД, – старая «семерка» у вас совсем убитая была – ведро с болтами. Когда вы ехали на задержание, бандиты за пять километров слышали, как

она гремит. Я у себя в кабинете знал… Сижу, а за окном трах-тарабах. «Ну, – думаю, – опять убойный отдел поехал брать какого-то отморозка. Хоть бы без стрельбы обошлось, а то потом…»

– Алексей Иванович, – не дал ему договорить Игорь, – я вместо себя на отделе оставлю Серегу Иванова.

– Я не возражаю, но только насчет Лидии подумай хорошенько: такие бабы просто так на дороге не валяются. «Парацельс» опять же при ней. А насчет борьбы ты это самое – все же подумай… У тебя же раньше на груди был значок мастера спорта. Почему сейчас не носишь?

– Не мастера, а кандидата в мастера. Мне его вручили, когда я стал чемпионом города среди студентов. Значок и сейчас на форменном кителе красуется. Не носить же его на рубашке.

– Вот завтра и приходи в парадной форме и со значком. И награды свои не забудь надеть, чтобы все сотрудники знали, что ты тут не хухры-мухры, а мой заместитель.

Жаворонков ушел. А Игорь задумался: конечно, никакую парадную форму он не наденет. И награды не наденет, потому что у него одна награда – ведомственная медаль «За доблесть в службе». Есть еще два нагрудных знака – «За отличие в службе», но их уже отменили, и наградами они не считаются, можно положить в бывший стол Колотовкина для компании с нагрудным значком «Отличник милиции МВД СССР».

Запиликал мобильный телефон: вызывал начальник убойного из соседнего района майор Федулов, который сразу начал интересоваться деятельностью фонда.

– Ходят слухи, что это ты со своими ребятами открыл это фонд, – задал вопрос коллега.

– Мы ничего не открывали. Учредителями фонда являются структурные подразделения ГУВД, а я только бумажки носил на подпись, в которых начальники подразделений расписывались. А потом договаривался с благотворителями, чтобы они скинули туда денежки: это же все равно налогом не облагается.

– Узаконенный полицейский рэкет, одним словом, – почему-то рассмеялся коллега.

Гончаров хотел закончить разговор, но Федулов начал расспрашивать, как подавать заявки на материальную помощь, а то у него в отделе три года назад погиб сотрудник, у которого осталось двое детей, и теперь старший сын собирается жениться, будущая жена ждет ребенка, а жилплощадь маленькая.

– Подъезжай ко мне прямо сейчас, пока я на месте, и я все объясню.

– Сейчас не могу, – отказался Федулов, – я сейчас на бытовом убийстве: участковый инспектор, на мою голову, отказывается подписывать акт о смерти, говорит, что здесь не несчастный случай, а вероятное убийство.

– Тогда я сам к тебе подскочу, – пообещал Гончаров, – на-

зывай адрес. Хочу посмотреть, что за инспектор может спорить с таким крутым парнем, как ты, Федул.

Глава вторая

Федулов курил на площадке и, увидев выходящего из лифта Гончарова, бросился к нему.

– Они готовы брать ипотеку, но на первый взнос все равно деньги нужны. А сейчас даже малюсенькая студия сам знаешь, сколько стоит.

– Кто? – не понял Игорь.

– Да родственники. Я же тебе говорил про квартиру.

– Где участковый? – поинтересовался Игорь.

– Достал он меня, – начал возмущаться майор, – уперся рогом и ни в какую. Сначала ребята на него жали – ничего сделать не могут. Потом я примчался, а он все свое талдычит – мол, это убийство…

Гончаров вошел в квартиру. Даже по отделке просторной прихожей было понятно, что в квартире живут небедные люди. У стены стоял шкаф-купе, изготовленный из массива ореха, а рядом с ним большое зеркало в раме того же дерева. Игорь посмотрел на свое отражение. Отражение вздохнуло, как будто понимало, что оказалось здесь совершенно случайно.

Подполковник пригладил волосы и вышел из прихожей в широкий коридор, где возле открытой двери в туалет лежал мертвый мужчина в трусах. Работали эксперты, на кухне за столом сидели двое мужчин в гражданской одежде, один из

которых громким шепотом отчитывал стоявшего у стены полицейского с погонами старшего лейтенанта.

– Ты своей башкой думай, что творишь: любому дураку видно, что тут чистой воды бытовуха, а ты на наш отдел вешаешь глухаря, за который нас всех потом по очереди и в хвост и в гриву…

– Так пусть ваш дознаватель проведет доследственную проверку и вынесет свое решение, если здесь и в самом деле несчастный случай – вы просто не будете возбуждать дело, – оправдывался участковый.

– А дознавателю, по-твоему, больше нечем заниматься? Вот ты тут из себя Шерлока Холмса изображаешь, а у нас сейчас из-за тебя дела стоят…

Игорь вошел на кухню и представился:

– Подполковник Гончаров.

– О-о, – поднялся один из оперов, – уже новое звание получил. Поздравляю с повышением.

– Участковый инспектор старший лейтенант Шишкин, – представился участковый.

– Что тут у вас?

Молодой полицейский бросил взгляд на оперов, после чего посмотрел на прибывшего подполковника и начал объяснять:

– Сегодня в половине девятого утра мне позвонил проживающий здесь гражданин и сообщил, что он вернулся домой с дачи, где ночевал, и застал отца мертвым. Предполо-

жительно, отец пошел в туалет, а когда выходил, то упал назад и ударился затылком об унитаз. На унитазе следы крови, а на затылке глубокая рана.

– Что говорят эксперты?

– Сказали, что с момента смерти и до того времени, как они осмотрели труп, прошло около двенадцати часов, то есть смерть наступила в период от одиннадцати часов вечера до полуночи. Мужчина в это время ложился спать, потому что на нем только трусы и майка.

– Очень меткое наблюдение, – усмехнулся опер в гражданском костюме.

– Позвонивший вам человек был один или есть еще свидетели обнаружения трупа?

– По его словам, был один, – продолжил участковый. – Сначала он завез на работу свою девушку, с которой провел ночь на даче, поехал сюда, потому что отец не отвечал на звонки.

– Чем занимался погибший?

– Он сдавал в аренду гаражи. У него гаражная стоянка с автоматической мойкой и двумя подъемниками для ремонта автомобилей. По работе и бизнесу ни с кем не конфликтовал. И здесь ни с кем… то есть по месту жительства: все отзываются о нем положительно. И вчера вечером он пребывал дома один: по крайней мере, соседи не видели никаких посторонних. Да и в спальне у него на столе стоит бутылка виски объемом семьсот граммов. Бутылка опустошена напо-

ловину.

– То есть можно считать, что он находился в состоянии средней степени опьянения, – опять подключился к разговору оперативник. – А может, и в сильной степени, если он еще что-то употребил. Или реакция организма у него на такую дозу могла быть специфической… Короче, нажрался мужик, пошел ночью в сортир, на выходе его качнуло, он упал и темечком о горшок. Что тут обсуждать, ведь все ясно и без протокола.

– В подъезде есть камера, – вспомнил Игорь.

– Она не работает, – объяснил старший лейтенант Шишкин, – потому что жильцы считают плату за видеонаблюдение завышенной. И управляющая компания отключила камеру. Но хозяин квартиры был здесь один: соседи не слышали ничего. Кроме того, по словам сына, из квартиры ничего не пропало.

Гончаров обернулся к участковому:

– Почему же вы тогда считаете, что это, возможно, убийство?

– Потому что труп лежит не в туалете, а в коридоре и расстояние до унитаза почти два метра. А вообще вы с сыном поговорите. У меня не получилось что-либо у него выяснить. Сына Олегом зовут.

Игорь вышел в коридор. Эксперты закончили осмотр, один из них смотрел на кухню, но обратился к Гончарову:

– Сигаретки не найдется?

Гончаров покачал головой, показал на мертвое тело и спросил:

– На ваш взгляд, что тут может быть?

– Все что угодно. Но скорее всего, он сам упал, и никто его не толкал. Выпил, заснул, потом приспичило, пошел нетвердой походкой, сделал свои дела, не проснувшись окончательно, и на выходе его заштормило. Упал на спину и затылком ударился. Умер не сразу, попытался выбраться. Но получилось только ногами вперед ползти. Следы крови видите? Вот на унитазе, а вот дорожка на полу. Никакого криминала.

– Можно?

Олег кивнул и поднялся, подошел к столу, выдвинул стул и опустился на него.

– Мои соболезнования, – сказал Игорь.

Олег еще раз кивнул.

– Отец часто выпивал? – спросил Игорь.

Парень кивнул, но тут же опомнился:

– Выпивал часто, но понемногу – дозу свою знал: пьяным бывал крайне редко. Но даже если и был пьян, то все соображал, реагировал адекватно и не качался при ходьбе.

– Триста пятьдесят граммов для него обычная доза?

– Это его норма, после которой он говорил: «Все! На сегодня хватит – мне завтра за руль». Он даже по таблице рассчитал, что при его массе тела триста граммов алкоголя уходят полностью за двенадцать часов.

– У него были враги?

Олег покачал головой, а потом ответил:

– Врагов не было, да и друзей тоже. Он не любил компании. После работы сразу домой возвращался. Ужинал… ну и рюмка-другая. Если мама присоединялась, то они могли и по три, и по четыре рюмки, но виски они пили из стаканов со льдом.

– А у мамы были враги, может, она с кем-то ссорилась?

– А ей-то из-за чего с кем-то ссориться? Мы ее оберегали с отцом от всяких неприятностей: мама вообще очень впечатлительный человек.

– А где мама сейчас?

– У подруги на даче. Мама не работает. То есть у нее есть работа, но в офис ходить не надо. Она киновед: для журналов пишет рецензии и статьи по новым вышедшим в прокат фильмам. И ей скучно дома одной целыми днями.

– Но у вас есть и своя дача.

Олег снова кивнул:

– Не дача, а загородный дом. Там и зимой можно жить. Недалеко от города находится. Если пробок нет, то можно добраться за сорок минут от крыльца до крыльца.

– Вы сегодня там ночевали?

– Там.

– Один?

– С невестой.

– Поздравляю. И когда свадьба?

– Мы с Викой еще не определились. А теперь уж тем более.

На глазах Олега выступили слезы.

– Штамп в паспорте не самое главное, – постарался успокоить его Гончаров, – главное, чтобы любовь была.

Парень кивнул. И признался:

– Мы в самом деле любим друг друга. Давно бы поженились, но…

– Родители были против?

– Папа был не против. Говорил, что у меня своя жизнь и собственная голова. А мама сказала, что полгода – это очень маленький срок знакомства, чтобы жениться…

– Вы невесте уже сообщили о своем несчастье?

– Конечно, она сказала, что попытается выбраться с работы пораньше, чтобы меня поддержать. Она в фитнес-салоне работает администратором. А маме не дозвониться: ее аппарат то недоступен, то она просто не отвечает на вызов.

– Вы где трудитесь?

– Я в аспирантуре учусь. Еще год остался. И работаю у отца бухгалтером. Ну, как бы бухгалтером подрабатываю – там никакой особой работы: я тетрадку заполняю: он ведь на упрощенке. А годовые отчеты уже нанятый бухгалтер делает.

– Много отец вам платил?.. Простите.

– Пятьдесят тысяч в месяц.

– Неплохо, конечно. Но ведь вам надо было с девушкой и в театр, и в клуб.

– На это я у мамы выпрашивал. А вообще отец говорил, что если мне нужно больше, то есть много мест, где можно заработать.

– А сам-то он много имел со своих гаражей и автосервиса?

Олег отвернулся и смотрел молча в сторону.

– Меня не интересует, сколько он утаивал от налогообложения. Я занимаюсь расследованием убийств, – объяснил подполковник.

– Его не убили, – напомнил парень, – здесь несчастный случай.

– В Америке говорят, что в мире только две неизбежности, – начал Игорь.

– Я знаю, – снова кивнул его собеседник, – это смерть и налоги. Отец работал честно. У него по-разному выходило, но дохода меньше пятисот тысяч не было никогда. И то это официально только. Ну вы же понимаете: не все можно провести через бухгалтерию даже при желании.

– Пятьсот тысяч! – удивился Гончаров. – В месяц? Как так получается? Можете не скрывать, потому что я к налоговой никаким боком.

Парень кивнул и начал объяснять:

– Сорок гаражей: по пять тысяч каждый – это только доход по аренде, а еще есть авторемонт: два подъемника, каждый приносил в день чистыми десять тысяч. Автомойка доход давала. Грязными за все выходило даже больше миллиона, но надо было платить за электричество, за воду, за охра-

ну, содержать территорию надо, опять же налоги…

– Все равно очень жирный кусок получается! Теперь вы всем там заправлять будете?

Олег кивнул и вдруг вскинул голову:

– Вы что? Неужели вы подумали, что я…

– Нет, я просто поинтересовался, кто будет управлять предприятием. Ведь ваша мама не справится.

– Мама точно не справится, – подтвердил парень, – она вообще далека от всего земного. Она по образованию театровед, а все театроведы – люди из другого мира.

В комнату заглянул майор Федулов.

– Ты долго еще здесь? – обратился он к Гончарову. – Тут все ясно как божий день. Я погнал в РУВД и оперов своих забираю: нечего им тут делать.

– Советую опросить соседей сверху и снизу, – посоветовал Игорь, – они должны были что-то слышать. Звук падающего тела, например.

– Пусть участковый этим занимается: он все это замутил – пусть сам и расхлебывает.

Все ушли, было слышно, как на площадке остановилась кабина лифта.

– Этот Шишкин уже не в первый раз всем голову морочит, – прозвучал на площадке чей-то недовольный голос.

Загремев, кабина ушла.

– Слышимость у вас однако, – произнес Гончаров.

– Потому что вторая дверь не прикрыта, она со звукоизо-

ляцией, – объяснил Олег, – обычно не слышно ничего.

Запиликала мелодия мобильного аппарата. Олег поднес телефончик к уху, а Гончаров вышел в коридор, где лежал труп и стоял участковый Шишкин.

– Я вызвал машину, чтобы в морг увезли, – доложил ему участковый. – И что теперь: меня заставляют подписывать акт о смерти, что это несчастный случай… Я отказался и написал, что нужна доследственная проверка. На меня наорали, дескать, у нас дознавателей не хватает, а те две, что есть, вообще круглые дурочки, хоть и закончили недавно школу милиции.

– И по пятницам они еще бухают с операми из убойного, – понимающе произнес Игорь.

– Не только по пятницам.

– Соседей обойди!

– Я уже обходил. Никто ничего не слышал: говорят, что было тихо. А где-то перед полуночью приехала мусорная машина, которая забирает наполненные контейнеры и выставляет новые. Когда все это выгружалось и загружалась, гул стоял, а ведь ночь, люди спят… Вы понимаете?

Гончаров не успел ответить, потому что из гостиной вышел Олег.

– Сейчас мама приедет: ей Вика позвонила и сообщила. Я сказал Вике, что мама не берет трубку, а Вика с первого раза ей дозвонилась. Она уже едет за ней…

Он посмотрел на тело отца и отвернулся.

– А почему его никто не прикрыл? – спросил Гончаров.

– Дайте что-нибудь, – попросил участковый Шишкин у Олега.

Молодой человек принес простыню, протянул ее Шишкину и заплакал. Убежал в комнату, и было слышно, как он там рыдает.

– В ванной на стене шкафчик с лекарствами, – шепнул участковый. – Я, когда квартиру осматривал, видел. Может, там успокоительные таблетки есть. Я посмотрю и если найду, то дам парню. Это можно?

Игорь кивнул и отправился на кухню. Опустился за стол и начал размышлять. Возможно, местные опера правы: смерть бытовая, ненасильственная – несчастный случай. Но как мог человек с пробитой головой проползти столько? А если кто-то перетащил тело? Если так, то с какой целью?

Вернулся участковый и сообщил, что успокоительные таблетки имеются и в очень большом количестве.

– Дай пареньку две таблетки, – посоветовал Игорь, – чтобы уж наверняка успокоился. У меня жена по две принимала, хотя ей-то с чего было расстраиваться.

Он подошел к окну и выглянул во двор: близко к дому росли высокие тополя, за которыми просматривались небольшая необорудованная парковка и бетонное ограждение, прикрывающее мусорные контейнеры.

Позвонил Федулов:

– Мы толком так и не поговорили про этот ваш… то есть

наш фонд. Есть надежда, что семья погибшего сотрудника получит материальную помощь?

– Разумеется, – ответил Игорь, – для этого он и создан. Составь ходатайство, согласуй с начальником вашего РУВД, и отправьте президенту фонда. Можно и мне привезти, а я передам…

Двор за окном был большой: до противоположного здания немногим меньше сотни метров. Даже если кто-то видел происходящее в этой квартире минувшим вечером или ночью, то разглядеть подробности вряд ли смог.

– А на какую сумму можно рассчитывать? – продолжил Федулов.

– Не знаю, но деньги есть. К тому же мне ГУВД премию выписало, а это семьсот пятьдесят тысяч. Или собирается выписать. Я предполагаю внести всю сумму в фонд.

Федулов замолчал, а потом тихо поинтересовался:

– Ты серьезно? Это не розыгрыш? Так запросто и отдашь?

– Привози документы, – сказал Игорь и закончил разговор.

Он вернулся в гостиную. Парень уже не плакал.

– Вика позвонила и сообщила, что уже везет маму сюда. Мама в себя не может прийти от того, что произошло.

– Я уж, наверное, не буду их дожидаться, – сказал Гончаров, – задам тебе еще несколько вопросов.

– Спрашивайте, – согласился Олег и вздохнул. – Вы что думаете: папу убили?

– Неважно, что я думаю, – ответил Игорь, – но так полагается – провести доследственную проверку – обязательная процедура такая. Но я уже почти все узнал. Да и не хочется возвращаться к грустной теме. Давай о чем-нибудь приятном поговорим. Вика красивая?

Олег кивнул, достал телефон и стал что-то в нем искать. Потом показал экранчик. На нем была фотография темноволосой девушки с внимательным взглядом.

– Симпатичная, – оценил Гончаров, – только я все равно ничего не вижу. Экран маленький. Ты мне ссылочку сбрось на мой номер, и я посмотрю. Хоть позавидую чужому счастью, а то от меня жена сбежала…

Тут же он продиктовал номер, но не свой, а практиканта Петра. После чего прошел мимо трупа, в прихожую, а потом и вовсе вышел на площадку. Набрал номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.